

Введение.

Лет тридцать, сорок тому назад людям науки считалось даже едва ли не непристойным серьезно говорить о животном магнетизме, или о гипнотизме; эти вопросы лежали так близко к области „тайных наук“ оккультизма, что заниматься этим считалось недостойным ученых специалистов. Еще не так давно такие знаменитые деятели науки, как Дюбуа Реймон, говорили о гипнотическом внушении, как о чем то близком к сумасшествию: великий ученый Гельмгольц считал гипнотизм за что-то вроде фокусничества, хотя, быть может, по его мнению, в гипнотических явлениях имеется зерно истины. Профессор Фукс откровенно высказал, что все явления гипноза, которые ему приходилось видеть, сводятся просто к комедии. Выдающемуся физиологу Гайденгайну нужно было иметь не мало гражданского мужества для того, чтобы заняться в своей лаборатории изучением гипнотизма у человека. Ниже мы встретимся с весьма интересными результатами исследований этого превосходного экспериментатора; а между тем после этой работы, в конце 70-х годов прошлого века, он уже ни разу не возвращался к той же теме. Едва ли мы ошибемся, если одной из причин этого мы признаем ту холодность, с которой его гипнотические наблюдения были встречены среди физиологов. Из числа последних этими вопросами занимались еще, около того же времени, Прейер, Ш. Рише и Бони; с тех пор интерес к ним со стороны физиологов, повидимому, совсем иссяк.

В настоящее же время мы насчитываем уже целые сотни серьезных научных сочинений, написанных по вопросам гипнотизма, которому посвящен также целый ряд периодических изданий; число врачей и клиницистов, и физио-

логов, признающих уже его права гражданства в науке, увеличивается чуть не с каждым днем. С одной стороны, причиной такого поворота служит то, что научные исследования нашли много верного и интересного в тех явлениях, которые еще не так давно составляли содержание лишь публичных представлений „магнетизеров“ или же которые были орудием чудодейственного лечения в руках немногих врачей и знахарей. С другой стороны, большие успехи психотерапии в последнее время, несомненно, возбудили интерес и некоторое доверие к явлениям гипнотизма, который представлялся серьезным средством для лечения нервных болезней.¹⁾ Огромные успехи, выпавшие в последние годы на долю гипно-терапии, в особенности в Германии, вызвали большое оживление в научной литературе, в которой появилось много новых сочинений по этому вопросу, а также не мало переизданных старых. У врачей накопился большой гипно-терапевтический материал, требующий более систематической и особенно—экспериментальной разработки.

Чем более обширной, сложной и разносторонней представлялась область гипнотизма, чем более темными и загадочными казались действия его на человека, здорового и больного, тем все настойчивее требовался беспристрастный контроль науки. Лица, признававшие существование особого „животного, или жизненного магнетизма“, утверждали, что особая его сила принимает участие даже в явлениях обыденной жизни человека, именно в тех случаях, которые обыкновенно приписывались вмешательству необычайных магических влияний или каких-то сверхъестественных сил. Таким образом, из религиозно-мистической сферы воззрения в этой области передвинулись в сферу метафизического умозрения, которое не останавливалось перед признанием в природе новых, неизвестных науке, чрезвычайных сил и влияний; оно мало считалось с опытными данными и более

¹⁾ Еще не так давно (в 1887 г.) один из выдающихся берлинских медиков проф. Эвальд открыто признавал, что психотерапия есть своего рода знахарство и что она не заслуживает даже названия врача и того способа лечения болезней; то же он относит и к гипнотизму. Бенедикт (профессор в Вене) также был против гипно-терапии, находя в ней нечто мистическое (!); для исправления этого факта он рекомендовал вызывать гипноз прямо—действием магнит-

заботилось о стройности и „философичности“ системы, которая и без помощи всяких наблюдений и опытов могла широко и глубоко охватить все загадочное и таинственное, все объяснить и понять; таковы были, по крайней мере, замыслы и стремления умозрителей.

Науке предстояла трудная задача: сорвать мистическую и метафизическую завесу с этих явлений, установить их определенное содержание и формы, распознать их закономерность, связать с другими известными явлениями—и всем этим освободить человеческий ум и знания от многих предрассудков, иллюзий и суеверий.

Эта задача, подобно многим другим, вроде научного прогресса алхимии и астрологии, теперь деятельно разрабатывается и, нужно надеяться, будет разрешаться удачно, с надеждой на полный успех.

Чем более учение о гипнотизме будет освобождаться от связей с такими проблемами, как телепатия, ясновидение, спиритизм и т. п., тем скорее оно выйдет на путь серьезного, строго-научного исследования. Еще и теперь в некоторых сочинениях можно встретить указания на возможность мысленных внушений у человека, на воздействие воли его на **больших расстояниях**, на **чрезмерное** изощрение особой интуитивной способности во время гипноза...

Само собой понятно, что сложная, запутанная история гипнотизма оставила не мало пережитков из областей, совершенно чуждых ее научному исследованию. Труженикам науки нечего смущаться, если на пути к отысканию истины они встречают еще призраки и фантазмы, созданные мыслью и воображением человека, несоответствующие действительности, или как результаты не точных наблюдений и слишком поспешных выводов. Ведь и здесь, как и всюду, замыслы и стремления человека значительно опережают его средства и реальные достижения; стремление раскрыть тайны природы, мотивы соревнования, а может быть, и тщеславие заставляют иных деятелей спешить без согласования намеченных целей, имеющих уже фактов и научных методов. Строгое отношение к фактам, беспощадная проверка наблюдения, возможно полное устранение субъективизма, беспристрастная критика всего виденного и слышанного, независимо от личных мотивов и интересов,—

таковы основные требования научной работы. Правда, для высокоталантливых людей, одаренных своего рода научным предвидением или научным воображением, нет надобности иной раз в мелочной работе: их светлый взгляд глубоко пронизывает туманную даль неизведанного, и в ней они умеют различать истинное от ложного...

Но научная критика неумолима: и от гения она требует убедительных доказательств верности его выводов и заключений, очевидных и ясных для всех. В данном случае, когда речь идет о явлениях и силах животного магнетизма и о телепатии, такие строгие требования тем более оправдываются, что дело идет не о каком-либо частном случае, а о целом мировоззрении человека, об основных его убеждениях в области познания природы—и внешней, и его собственной внутренней. Здесь каждый точно установленный, проверенный факт может заставить вычеркнуть целые теории, раз он опровергает их основы, их исходную точку зрения...

Сознательное признание господства Закона во всей природе, во всей ее совокупности, включая сюда и самого человека, есть уже признак высокого умственного развития человека. Через всю историю человеческой культуры и в частности научных знаний проходит явно борьба Закона с невежеством, произволом, фантазией и мистицизмом. Если уже в обыденной нашей жизни мы все более и более проникаемся убеждением, что явления нашей внешней и внутренней жизни подчинены непреложному Закону, если в этом сознании мы находим истинный критерий нашего культурного умственного развития, то этим мы всецело обязаны влиянию науки и именно естествознанию. Правильность и закономерность, стройность и упорядоченность явлений и действий—таковы свойства, которые прежде всего возбуждают к себе доверие человека,—все равно—идет ли речь о внешней природе или о жизни самого человека.

Совершенно противоположное мы встречаем в области мистицизма, магических и чудодейственных влияний, которые всегда возбуждали и возбуждают к себе чувства не доверия и успокоения, но напротив, страха и ожидания чего-то неизвестного, неприятного. Вместо равномерности и постоянства условий и причин, человек встречает капризы,

случайности, какой-то произвол, который он не в состоянии вперед учесть и предвидеть. Господство таких воззрений, противоречащих даже требованиям здравого рассудка, неизбежно вызывает угнетение воли и мысли человека; его деятельная натура, стремящаяся к свободному почину в труде, не может мириться с давлением всяких случайностей. Несомненно, что и сознательное стремление к истине и добру также ослабевает под гнетом нравственным и умственным; постоянное опасение со стороны непредвидимых случайностей, не учитываемых перемен, конечно, должно парализовать человека и его личную инициативу.

Отсюда становится понятным, почему человек всегда инстинктивно стремился к пониманию и объяснению всего, что его окружает, с чем он встречается. В этом стремлении заключается и желание обезопасить свою жизнь и свой труд от всяких неизвестностей и случайностей. Без знания и понимания не может быть сознательного предвидения событий и условий, составляющих содержание его жизни; инстинкт уже сам по себе заставляет человека познавать и понимать. Как часто приходится человеку страдать и мучиться только потому, что многое в природе и в его жизни остается для него без объяснения, непонятным!

Природные явления, окружавшие первобытного человека, давали обширный материал для представлений о чем-то могучем, таинственном, лежащем вне пределов ближайшего познания и воздействия человека. Реакции нарушения обычного хода внешних природных явлений — грозы, бури, затмения, землетрясения, метеоры, наводнения, обвалы земли, вулканические извержения и т. п. — действовали на него подавляющим образом, — и на его жизнь, и на его труд, и на его ум. Его самозащита и понимание становились бессильными. По его мнению, только необычная, сверхъестественная сила могла так нарушить привычный для него ход вещей. Подобное же угнетающее действие на первобытного дикаря могли оказывать даже и такие явления, как болезнь, сумасшествие, смерть, тяжелые сновидения и т. п. И здесь, в жизни самого человека, таким образом, встречались события, перед которыми оказывались бессильными его логическая мысль и воля; сильные душевные волнения, вызываемые такими фактами, еще более возбуждали его вооб-

ражение, которое населяло окружающий его мир всякими духами, демонами, необычайными силами и влияниями.

От всех подобных резких переживаний в душе человека сохранялись следы не в виде связанной мысли или понятного объяснения, но в виде образных представлений, ярких созданий фантазии. В той или другой форме воображение олицетворяло то, чего мысль не была в состоянии понять, анализировать, то, что так сильно действовало на чувственную сферу человека и вызывало резкие эмоции, душевные волнения; конечно, вместе с тем оно должно было влиять и на общее настроение человека, а отсюда и на все его поведение.

Преобладание чувственной стороны и слабое развитие ума представляли собою благодарную почву для развития мистицизма со всевозможными его иллюзиями и заблуждениями. В своем воображении человек переносил свойства своей собственной природы на наблюдаемые им события и предметы внешней природы, в которых он находил проявления также воли, но в виде высших магических сил; уже по природному свойству своего ума он „антропоморфизировал“ их,—воображаемым сверхъестественным силам он придавал свойства и формы своей собственной природы; для древнего грека его божества были одарены не только необычайными силами, но также и всеми человеческими слабостями и недостатками и даже своим внешним видом. Во все времена и у всех народов в их представлениях о божественном и сверхъестественном мы встречаем, как прототип, самого человека со всеми его качествами и поступками. „Человек есть мерило всех вещей!“ Ведь внешний мир мы знаем лишь в таком виде, в каком он познается с помощью наших органов чувств, служащих единственными аппаратами, воспринимающими сведения из этого реального внешнего мира. Образ, отражаемый от какого-нибудь предмета зеркалом, зависит не только от этого самого предмета, но также и от свойств зеркала: будет ли оно выпуклым, плоским, вогнутым, правильным и т. д. Следовательно, верность образа или искажение его определяется также нашими органами чувств и свойствами нашего мозга. Ввиду этого становится понятным, почему в мистических воззрениях человека во все времена так верно отражается весь внутренний его мир, душевный уклад,

степень его умственного развития. История религии ясно показывает, что в разные времена и у разных народов свойства и образы его божеств изменялись в зависимости от склада ума человека, от условий его жизни и от его умственного прогресса. Содержание и формы мистицизма постепенно уклонялись от своего грубого и образного первичного характера в сторону более отвлеченных представлений, по мере того, как изменялись характерные черты данной эпохи и умственной жизни человеческого общества.

Чем ниже был уровень положительного знания, тем легче распространялись и усваивались сведения о магических чародейных силах и о демонических влияниях, которые по самой своей сущности являлись вопиющим противоречием убеждению о закономерности Природы. Впоследствии развитие критической мысли, рядом с могучим прогрессом естествознания, постепенно освобождало человеческий ум от веры в магию, астрологию, некромантию, телепатию и т. п. В наше время мистицизм, как общее мировоззрение, основанное только на чувстве и воображении, уже утратил свое самостоятельное существование; как противовес науке, он имеет лишь историческое значение. Даже убежденные спириты, верящие в общение с душами умерших и признающие всякие материализации, и те стараются теперь приблизиться к научным формам изучения и объяснения явлений, складывая в одну кучу и вызываемых духов, и лучистую энергию, и электромагнитные волны, и астральные тела и т. п. Само собой понятно, пока человеку приходится встречаться со сложными и загадочными явлениями природы, сильно действующими на его душу, пока его стремления к раскрытию ее тайн так далеко превышают его умственные силы и его научные средства, до тех пор его чувства и воображение будут ещё сильно возбуждаться и влиять на его мысль, до тех пор и мистический элемент, в той или иной степени, останется нежелательным спутником его мудрствований и его попыток все узнать и все понять. Поэтому неудивительно, если даже и в сфере научной литературы за последние 25—30 лет все еще приходится встречаться с признаками утонченного или замаскированного мистицизма, если иные люди науки не брезгают рассказами о вещих снах, о телепатии, о ясновидении...

Если от людей науки мы перейдем к широким слоям современного человеческого общества, то увидим, что содержание первобытного мистицизма, строго говоря, не изгладилось и до сих пор. У многих оно сохранилось в виде верования в магические силы, в воздействия небесных светил на человека, в чародейные свойства редких избранников, в возможность путем гадания узнать будущее и т. д.; такое суеверие, понятно, в особенности упорно держится у тех, кого еще так мало коснулся умственный прогресс. Одного лишь накопления усвоенных научных знаний недостаточно для того, чтобы подняться над уровнем первобытного мировоззрения; для этого необходимо еще усвоить общие принципы и воззрения положительной науки, нужно ими проникнуться настолько, чтобы на каждом шагу они могли бы служить руководящим светочем к раскрытию истины; только они одни помогут выйти на правильный путь изучения и исследования.

Стоит лишь припомнить вредное тормозящее влияние разных суеверий и предрассудков на развитие умственных сил отдельного человека и целого народа, на всю его жизнь и культуру, на его труд и экономику, чтобы понять великую заслугу научного образования. Если всякие иллюзии и предрассудки так легко угнетают ложным страхом сознательную жизнь человека, то естественным противовесом является только научное знание. Суеверный человек есть раб собственного невежества. Всякие чародейные силы,—будет ли это дурной глаз, или колдовство, или навождение болезни,—представляются такому человеку не в виде нерасследованной силы, но в виде чего-то непостижимого и в то же время устрашающего.

В прежнее время к разряду магических действий относили и те факты, которые впоследствии, именно, с конца 18 века, рассматривались, как проявления, так называемого, животного магнетизма или сродных ему состояний. Человек как-будто отрешался от видимого мира, ничего не видел и не слышал, что делается вокруг его; он погружался в особое состояние экстаза или экзальтации воображения; он мог еще двигаться, даже говорить, но бессвязно и непо-

нятно. Про человека в таком состоянии говорили, что в эту минуту он входит в общение с другим невидимым миром, что он одарен способностью ясновидения, прорицания и т. д. Сюда же относится вера в магическую силу талисманов, амулетов, в силу разных заклинаний, вещей гаданий...

Такие рассказы и верования мы встречаем еще в глубокой древности. Несомненно, что жрецы и волхвы вызывали путем фиксирования блестящих предметов (отполированная металлическая пластинка—„волшебное зеркало“) особые психические состояния, в которых всякие произвольные движения прекращались, чувственная сфера и воображение приходили в состояние экзальтации; эти субъекты могли отвечать на вопросы и исполнять приказания. Такая картина, несомненно, соответствует ныне установленной картине гипноза, которую можно вызывать произвольно, в которой можно также и направлять игру фантазии в желаемом направлении.

У древних греков и индусов приходили в храмы, подвергались там известным ритуалам, роны жрецов, засыпали, и в таком толкователи-жрецы находили указания божию чину болезни и на способы лечения.

Повидимому, древним врачам было известно успокаивающее и снотворное действие движений и поглаживаний руками, а также закрывания глаз руками врача. Здесь, несомненно, участвовало внушение со стороны опытных и ловких жрецов; они умели настраивать чувства и воображение своих больных в желательном для себя направлении. Нет ничего удивительного в том, что путем подобных манипуляций и словесных внушений, при известной обстановке, они могли излечивать нервных больных, успокаивать судороги и болевые ощущения, навевать сон, избавлять от головных болей, от приступов страха, тоски и т. д. Об исцеляющей силе возложения рук на больных впервые стало известно относительно халдейских жрецов и индусских браминов. Древние греки и египтяне также знали о благотворном влиянии на больных прикосновения руки; римские писатели, напр., Марциал, Аппулей, Плавт, знали о возможности усыпить человека одним лишь прикосновением рукою, что обыкновенно сопровождалось заклинаниями. Плутарх рассказывает, что царь Пирр обладал способностью погружать

людей в глубокий сон, прикасаясь лишь своей ногой; нечего, конечно, сомневаться, что при этом участвовало еще и словесное внушение в виде соответственной подготовки субъектов. Исцеляющую силу приписывали норвежскому королю Олафу II и даже его труп. Затем, за королями Англии и Франции признавали специальную способность прикосновением исцелять зоб. Отсюда произошло и изречение: „король к тебе прикоснется, а Бог тебя исцелит“. Когда король Англии Вильгельм III отказался лечить своим прикосновением золотушных больных, это вызвало негодование среди английского общества.

Вообще в те времена, когда положительное научное знание еще находилось в состоянии младенчества, человек охотно верил всяким небылицам и причудам своего воображения, лишь бы чем-нибудь удовлетворить свое стремление знать и объяснить. Он охотно верил в злые враждебные начала в этих духов, с которыми ему приходится так часто бороться. Он серьезно занимался, в лице немногих таких людей, „тайной наукой“, как некромантия, которая считала ему входить в общение с душами умерших; он считал доказанным, что некоторые лица обладают сверхъестественными способностями, дающими возможность временно переходить в незримый мир, беседовать с духами, узнавать будущее и снова возвращаться в свой мир обычной жизни.

Не то же ли самое представляет нам спиритизм, которым еще лет сорок тому назад занимались серьезные люди науки, правда, немногие, но зато выдающиеся в своей специальной области. Один немецкий философ, присутствовавший на „удачных“ спиритических сеансах и доверчиво относившийся к фотографированию духов и к материализации разных предметов, переходивших из пространства „четвертого измерения“ в доступное нам трехмерное, усмотрел во всех этих явлениях признаки божественной силы, которые обнаружили с целью укрепить веру и обратить неверующих и маловерных в истинную веру...

Всущности в вышеупомянутых мистических верованиях мы мало находим нового, оригинального; то же самое уже известно было и в древности; древний латинский писатель Аппулей говорит, что прикосновением, заклинанием и запа-